

Торстейн
ВЕБЛЕН

Теория праздного
класса

PHILOSOPHY

Торстейн Бунде Веблен

Теория праздного класса

Серия «Философия – Neoclassic»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66136322
Теория праздного класса: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135295-0

Аннотация

Торстейн Веблен (1857–1929) – американский экономист, социолог и публицист, доктор философии, преподавал в Корнеллском, Чикагском, Стэнфордском университетах.

«Теория праздного класса» – знаковая работа Т. Веблена. Основной материал для исследования он черпал из действительности того времени – эпохи трущоб и дворцов в Чикаго.

В этой книге автор впервые вводит само понятие «праздного класса», который отличается демонстрацией своих возможностей, высокого положения в иерархии. Веблен назвал это демонстративной праздностью и демонстративным потреблением, когда человек стремится не столько к экономической, сколько к социальной выгоде, приобретая не практичные, а статусные вещи.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	35
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Торстейн Бунде Веблен

Теория праздного класса

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Предисловие

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы обсудить место и значение праздного класса как экономического фактора современной жизни, однако выяснилось, что практически невозможно сузить рассмотрение данного вопроса до заранее намеченных пределов. Некоторое внимание по необходимости придется уделить происхождению и истории развития институции праздного класса, а также тем признакам общественной жизни, которые обыкновенно исключаются из числа признаков экономических.

В отдельные моменты изложение будет опираться на экономическую теорию или на обобщенные факты этнологии, которые могут оказаться до некоторой степени незнакомыми читателю. Вводная глава раскрывает в достаточной мере природу этих теоретических предпосылок и тем самым позволяет, как хочется надеяться, избежать неясностей и двусмысленностей. Более четкое и подробное изложение исходных теоретических положений содержится в ряде статей, опубликованных в четвертом томе «Американского журнала по социологии» (*American Journal of Sociology*), в разделах «Инстинкт мастерства и изнурительность труда», «Зарождение собственности» и «Статус женщин в эпоху варварства». Впрочем, наши доводы не основываются лишь на этих отчасти совершенно новых и потому непривычных обобщениях,

поскольку иначе им грозила бы опасность совсем утратить свою возможную ценность как часть экономической теории в том случае, если бы указанные новые обобщения оказались в представлении читателя недостаточно обоснованными или недостаточно авторитетными.

Отчасти из соображений удобства, а отчасти по причине того, что возможность ошибочного истолкования тех явлений, которые знакомы всем людям, не слишком велика, те данные, которые приводятся для иллюстрации или для подкрепления теоретических выводов, взяты непосредственно из повседневной жизни, почерпнуты из наблюдений или являются общеизвестными, то есть их никак нельзя отнести к сведениям из малоизвестных или недоступных широкой публике источников. Смею надеяться, что никто не сочтет себя оскорбленным с литературной или научной точки зрения ввиду подобного обращения к обыденным фактам и ввиду той вольной, как может почудиться порой, трактовки вульгарных явлений или феноменов, сокровенное положение которых в человеческой жизни исключало их, бывало, из рассмотрения под углом экономической теории.

Те теоретические предпосылки и подкрепленные фактами свидетельства, извлеченные из менее доступных публике источников, наряду с любыми теоретическими рассуждениями или выводами, заимствованные из этнологической науки, также относятся к числу наиболее известных и знакомых: их не составит труда отыскать и выявить в источни-

ках для всякого начитанного и сведущего человека. Поэтому в настоящей книге не соблюдается правило обязательного цитирования и ссылок на научные авторитеты. Те немногочисленные цитаты, которые все же встречаются в тексте (в первую очередь ради иллюстрирования теоретических положений), обычно узнаются достаточно легко без указания источника цитирования.

Глава 1

Введение

Институция праздного класса получает свое наивысшее развитие на более поздних стадиях варварской культуры, например в феодальной Европе или феодальной Японии.

В таких сообществах очень строго соблюдаются различия между классами, а наиболее поразительной с экономической точки зрения особенностью этих классовых черт является различие между видами деятельности, свойственными и подобающими конкретным классам. Верхние слои общества обыкновенно, по традиции, освобождаются от производственных занятий или остаются от них в стороне, они придерживаются того образа жизни, который диктуется представлением о чести. Главным среди таких почетных занятий в феодальном обществе выступает военное дело, а второе место после него обычно занимает священнослужение. Если варварское сообщество не отличается воинственностью, то священнослужение может выдвигаться на первое место, а военное дело отступает и занимает подчиненное положение.

Впрочем, при незначительных исключениях в целом соблюдается следующее правило: верхние слои общества, будучи воинами или священнослужителями, не заняты производственной деятельностью, и эта свобода есть экономиче-

ское выражение их высокого социального положения. Индия эпохи господства брахманов¹ служит наглядной иллюстрацией общества, в котором оба указанных класса освобождены от производственных занятий. В более развитых варварских сообществах наблюдается значительное расслоение на подгруппы того социального класса, который, обобщая, можно охарактеризовать как праздный класс, и между этими подгруппами тоже налицо распределение видов деятельности. Праздный класс как таковой объединяет знать и священнослужителей, к которым присоединяется их многочисленное окружение. Соответственно разнообразны и занятия этого класса, но им присуща общая экономическая особенность: такая деятельность носит внепроизводственный характер. Эти непроизводительные виды деятельности высших слоев общества можно в первом приближении разделить на области управления, военного дела, исполнения религиозных обрядов и развлечений.

На относительно ранних, но вовсе не начальных стадиях варварства праздный класс пребывает в менее дифференцированном состоянии. Ни классовые различия, ни различия между областями деятельности праздного класса еще не проявляются столь четко, а сами занятия не дробятся. На примере обитателей островной Полинезии довольно хоро-

---

¹ То же, что и брамины, высшая варна (сословие) индуистского общества. Под эпохой господства брахманов имеется в виду так называемый ведический период истории Индии, когда жречество играло важнейшую роль в управлении государствами субконтинента. — *Здесь и далее примеч. перев.*

шо прослеживается данный этап общественного развития, но следует учитывать то обстоятельство, что ввиду отсутствия на островах крупной дичи охота обыкновенно не занимает здесь почетного места в жизненном укладе. Также наглядным примером тут может выступать жизнь в Исландии в эпоху составления саг². В подобных сообществах налицо строгое разделение на классы, а занятия четко распределяются между классами. Ручной труд, производство и все, что непосредственно связано с повседневным добыванием средств к существованию, является занятием, вменяемым в обязанность исключительно низшим слоям общества. К таковым принадлежат рабы и прочие зависимые от хозяев люди; кроме того, в число тружеников обычно включались и все женщины. При наличии деления аристократии на несколько ступеней женщины высокого положения освобождались, как правило, от производственной деятельности или по меньшей мере от наиболее вульгарных разновидностей ручного труда. Мужчины из высших слоев общества не просто освобождаются от производства, но, согласно предписывающему обычаю, вообще не допускаются к участию в производственной деятельности. Область их занятий строго ограничена. Как отмечалось ранее, на более высокой стадии развития общества это управление, военное дело, религиозная служба и

---

² Вероятно, имеется в виду период X–XI столетий, когда происходили события, описываемые в так называемых «родовых» сагах – или сагах об исландцах. Сами саги в известном сегодня виде были записаны в XIII–XIV столетиях.

развлечения. Эти четыре направления деятельности определяют образ жизни высших слоев общества, а для тех, кто занимает высочайшее положение (вождей, царей и королей), они являются единственно возможными видами деятельности, которые допускаются обычаем или здравым смыслом сообщества. Там, где эта схема надежно утвердилась, даже спортивные занятия и развлечения не считаются безусловно приемлемыми для представителей наивысшей знати. Для более «скромных» слоев праздного класса возможны некоторые другие виды деятельности, но все равно это будут те виды, которые дополняют собой одни или другие типичные занятия праздного класса. К примеру, здесь допускаются изготовление оружия, военного снаряжения и боевых кораблей, содержание и дрессировка лошадей, собак и охотничьих птиц, подготовка утвари для священнослужения и так далее. Низшие классы лишены возможности заниматься этими «вспомогательными» видами почетной деятельности, за исключением тех из них, которые носят явно производственный характер и лишь отдаленно связаны с типичными занятиями праздного класса.

Если сделать шаг назад от этой культуры позднего варварства и вернуться к более ранним варварским обществам, мы не найдем праздного класса, который успел вполне сформироваться. Однако и для низшей ступени варварства характерны те обычаи, причины и обстоятельства, из которых возникает институция праздного класса, а также возмож-

но проследить начальные стадии ее становления. Кочующие охотничьи племена в различных частях света выступают наглядным примером указанных начальных этапов расслоения общества. Нагляднее всего тут в качестве иллюстрации будут племена охотников Северной Америки. Едва ли можно утверждать, что эти племена выделялись присутствием сложившегося праздного класса. Но им было свойственно разделение функций, которое влекло за собой разделение на классы, хотя освобождение от труда высших слоев общества еще не зашло настолько далеко, чтобы мы смело могли употреблять применительно к ним выражение «праздный класс». Племена, принадлежавшие к этому уровню экономического развития, уже достигли того предела экономической специализации, при котором проявляется заметное различие в занятиях мужчин и женщин, причем эти занятия противопоставляются друг другу. Почти во всех североамериканских племенах женщины по предписывающему обычаю занимались теми видами деятельности, из которых впоследствии возникли собственно производственные занятия. Мужчины освобождались от подобной вульгарной деятельности, дабы они могли воевать, охотиться, развлекаться и соблюдать религиозные обряды. Здесь, кстати, мы сразу обнаруживаем все признаки дискриминации.

Такое разделение труда совпадает с разделением на работающий и праздный классы, характерным для более развитых варварских сообществ. По мере дальнейшей специали-

зации производства и диверсификации по видам деятельности все четче вырисовывается соответствующая разграничительная линия, отделяющая производственную деятельность от непроизводственной. Мужские занятия, присущие ранним стадиям варварства, отнюдь не служат той первоосновой, из которой впоследствии развивается какая-либо осязаемая часть производственной деятельности. Позднее все эти занятия распространяются на ту область деятельности, которую нельзя отнести к производственной: это война и политика, спортивные состязания и развлечения, образование и богослужение. Единственными заметными исключениями тут выступают отчасти рыбный промысел, а также те занятия, каковые не представляется возможным безоговорочно отнести к производственным, скажем, изготовление оружия, игрушек, охотничьих и спортивных товаров. Фактически весь ряд производственных видов деятельности «произрастает» из занятий, которые причислялись к женским в ранних варварских сообществах.

Мужской труд на начальных стадиях варварства не менее необходим для выживания коллектива, чем работа, выполняемая женщинами. Не исключено, что мужчины своим трудом обеспечивали добывание пищи и других предметов потребления, насущных для коллектива. В целом этот «производственный» характер мужского труда столь очевиден, что в учебниках по экономике охота обыкновенно относится к типичным образцам первобытной производствен-

ной деятельности. Но варвары воспринимали подобный труд совершенно иначе. В собственных глазах мужчины-варвара он вовсе не был тружеником, и в этом отношении его нельзя ставить в один ряд с женщинами, а его труд нельзя приравнивать к повседневной женской работе, как работу или производственную деятельность, то есть попросту непозволительно отождествлять его свершения с женскими занятиями. Во всех варварских сообществах отмечалось несомненное и выраженное неравенство между работой мужчин и работой женщин. Мужские деяния могли способствовать поддержанию жизни коллектива, но считалось, что эти труды исполнены такого мастерства и такой дееспособности, какие невозможно, не умаляя их достоинств, сравнивать с повседневным женским прилежанием.

Продолжая двигаться вспять по культурной шкале, мы достигаем стадии диких групп, на которой разделение труда еще менее заметно, а дискриминирующие различия между классами и видами деятельности менее последовательные и менее строгие. Отыскать наглядные примеры первобытной «дикой» культуры сегодня довольно нелегко. Лишь отдельные группы или сообщества, причисляемые ныне к «диким», не выказывают признаков упадка, свидетельствующих о том, что некогда они могли похвалиться более высокой степенью развития. Но все же встречаются группы, которые с некоторой точностью воспроизводят (причем в ряде случаев это явно не результат социального регресса) черты первобыт-

ного дикарства. Их культура отличается от культуры варварских сообществ отсутствием праздного класса, а также отсутствием, в значительной степени, того предубеждения или духовной предрасположенности, на которой, собственно, и зиждется институция праздного класса. Эти сообщества первобытных дикарей, где нет иерархии экономических сословий, составляют лишь малую и пренебрежимую долю человеческой расы. Лучшими среди доступных нам образцов таких групп могут служить племена андаманцев или тогда с холмов Нилгири³. Уклад жизни этих племен к моменту первых контактов с европейцами характеризовался, по-видимому, почти полным отсутствием праздного класса. В качестве дальнейшего примера можно привести айнов с Йезо⁴ и, пусть это менее достоверно, некоторые группы бушменов и эскимосов. К той же категории, вероятно, стоит отнести и отдельные сообщества индейцев-пуэбло⁵. Подавляющее большинство, если даже не все указанные сообщества

---

³ Быт и обычаи коренного населения Андаманских островов в Индийском океане были описаны английскими этнографами в конце XIX столетия. Нилгири – горный массив на юге Индии, а народность тогда считается одним из 18 коренных племен этой местности.

⁴ Имеется в виду японский остров Хоккайдо, ранее обозначавшийся на картах и в книгах как Эдзо (рус. Йезо, Йессо, Иедзо). Айны (айну) – коренное население Японских островов.

⁵ Пуэбло – группа центральноамериканских индейских племен, позднее осевших на юго-западе США. По замечанию современных комментаторов, Т. Веблен в своих примерах подобного рода ориентировался прежде всего на такие классические труды по этнографии, как «Древние общества» (1877) Л.Г. Моргана и др.

следует трактовать как примеры вырождения более развитого варварства, не усматривать в них носителей той культуры, которая никогда не поднималась выше своего нынешнего уровня. Если это так, то в нашем исследовании нужно принимать данный факт во внимание; впрочем, эти группы все равно могут служить свидетельством в пользу нашего вывода, как если бы они действительно принадлежали к «первобытному» населению.

Эти сообщества, лишенные сложившегося института праздного класса, похожи друг на друга также некоторыми другими общими чертами социального устройства и образа жизни. Это малые группы с простым (архаичным) устройством, обыкновенно они ведут миролюбивую и оседлую жизнь; они бедны, а индивидуальная собственность не является преобладающей чертой в их системе экономических отношений. Но необходимо отметить, что отсюда отнюдь не следует, будто это мельчайшие из существующих сообществ, будто их социальная структура во всех отношениях оказывается менее дифференцированной или будто в эту категорию обязательно включаются все первобытные сообщества, у которых нет сложившейся системы индивидуальной собственности. Однако в данную категорию входят наиболее миролюбивые – возможно, характерно и показательно миролюбивые – первобытные группы. Им всем свойственна общая черта, которая бросается в глаза, а именно некая дружелюбная беспомощность при столкновении с враждебной силой или об-

маном.

Свидетельства, предоставляемые обычаями и культурным укладом сообществ на низкой ступени развития, позволяют предположить, что институция праздного класса появляется постепенно при переходе от первобытного дикарства к варварству, или, точнее, при переходе от миролюбивого к последовательно воинственному образу жизни. Условия, очевидно необходимые для такого развития, следующие: 1) хищнический уклад жизни сообщества (война или охота на крупную дичь – или то и другое), то есть мужчины, составляющие зарождающийся праздный класс, должны привыкнуть наносить урон силой и военной хитростью; 2) средства к существованию должны добываться сравнительно просто, дабы появилась возможность освободить значительную часть сообщества от постоянного труда по заведенному распорядку. Институция праздного класса развивается из раннего разграничения видов деятельности, согласно которому одни виды труда признаются почетными, тогда как другие считаются недостойными. В соответствии с этим древним разграничением почетными занятиями оказываются те, которые можно отнести к подвигу, к героическим деяниям, а недостойными – те насущные повседневные занятия, которые не содержат в себе ощутимых признаков подвига.

Данное разграничение не имеет большого значения для современного индустриального общества и потому почти не удостоивается внимания на страницах учебников по эконо-

мике. С точки зрения современного здравого смысла, который определяет развитие экономической мысли, это разграничение кажется формальным и несущественным. Но даже в наши дни оно упорно продолжает сохраняться уже в качестве банального предрассудка, что явствует, например, из хорошо знакомого всем нам отвращения к мелким повседневным обязанностям. Это разграничение личного свойства, разделение между превосходством и подчинением. На ранних стадиях развития цивилизации, когда личная сила человека значила куда больше для формирования хода событий, элемент принуждения играл важную роль в повседневной жизни. Это обстоятельство в немалой степени обуславливало образ жизни. В результате любое последующее разделение общества на этом основании казалось важнее и строже, чем выглядит в наши дни. Как факт последовательности общественного развития это разделение нужно признать существенным, поскольку оно зиждется на достаточно веских и убедительных основаниях.

Опора для привычного различения каких-либо фактов меняется вместе с изменением привычной точки зрения на эти факты. Характерными и существенными оказываются те признаки рассматриваемых фактов, которые наделяются значимостью благодаря преобладающим потребностям эпохи. Всякое конкретное основание для различения этих фактов покажется малосущественным тому, кто привык оценивать указанные факты и ценности с иной точки зрения.

Привычка различать и классифицировать цели и направления деятельности везде и во всем преобладает над необходимостью, ведь без этого невозможно выдвинуть действенную теорию или схему общественной жизни. Особая точка зрения, или особая характеристика, которая выбирается для классификации жизненных фактов, зависит от интересов, по которым производится различение фактов. Следовательно, основания разграничения и процедурные нормы классификации фактов постепенно и последовательно меняются с развитием общества, ведь меняется точка зрения на эти факты, то есть переосмысливается отношение к жизни. Признаки деятельности или черты социального слоя, которые воспринимались как характерные и показательные на одной стадии развития общества, лишаются своего относительного значения для классификации на всех последующих стадиях.

Но изменение норм и смещение точек зрения происходит постепенно и редко приводит к сомнениям или полному отрицанию однажды принятого взгляда. Привычка побуждает сохранять некогда усвоенное разделение между производственными и непроизводственными занятиями, и сегодняшнее разделение труда есть преобразованная форма разделения эпохи варварства – между подвигом и повседневной работой. Такие занятия, как война, политика, богослужение и публичные развлечения, общество воспринимает как деятельность, исходно отличную от труда, подразумевающего производство материальных средств существования. Сего-

дня разграничение проводится не в точности там, где линия раздела пролегла в эпоху раннего варварства, однако разделение как таковое по-прежнему налицо.

Сегодня это разделение по умолчанию, диктуемое здравым смыслом, допускает, утрируя, что всякие усилия следует считать производственными, пока их конечной целью является использование вещей. Принудительное использование человека человеком не воспринимается как производственная функция, тогда как любые усилия, направленные на улучшение человеческой жизни посредством внечеловеческой среды, трактуются в совокупности как производственная деятельность. Те экономисты, которые лучше прочих сохранили и развили классическую традицию, провозглашают характерным признаком производственной деятельности «власть человека над природой». Эта промышленная власть над природой понимается как власть человека над жизнью животных и над всеми стихийными силами. Тем самым ставится граница между человеком и неразумным тварным миром.

В иные времена и среди людей, исполненных иных предрассудков, эта граница пролегла вовсе не там, где мы проводим ее сегодня. В укладах жизни первобытного или варварского общества она ставилась в другом месте и другим образом. Всем сообществам варварской культуры было присуще обостренное ощущение противопоставления двух обширных групп явлений: к одной группе варвар относил самого

себя, а во вторую включал съестные припасы. То есть экономические явления противопоставлялись неэкономическим, но понималось это различие иначе, нежели сегодня: граница ставилась не между человеком и неразумным тварным миром, а между одушевленным и неодушевленным.

Возможно, в наши дни покажется чрезмерным разъяснять, что варварское мировосприятие, которое здесь передается словом «одушевленный», отнюдь не было тождественно понятию «живой». Слово «одушевленный» охватывает далеко не все живое и при этом обнимает множество иных явлений. Такие поразительные природные явления, как грозы, болезни, водопады, «одушевлялись», но вот плоды и травы, наряду с мелкими животными и насекомыми, скажем, мухами, личинками, мышами или овцами, обыкновенно не воспринимались как «одушевленные» – разве что только собирательно. Мы под этим словом, в том значении, в каком оно здесь употребляется, не обязательно подразумеваем наличие условной души или духа. Понятие одушевленности охватывает явления, которые в анимистическом мировоззрении дикаря или варвара считались грозными вследствие фактического или приписываемого им свойства совершать враждебные действия. К этой категории относится множество разнообразных естественных объектов и явлений. Указанное разграничение между пассивным и активным до сих пор проявляет себя в образе мышления тех, кто не склонен к размышлениям, и оказывает сильнейшее воздействие на распростра-

ненные представления о человеческой жизни и природных процессах; впрочем, оно все-таки не затрагивает нашу жизнь в той степени и с теми далекоидущими практическими последствиями, которые были характерны для ранних стадий развития культуры и веры.

Для варварского мировосприятия переработка и употребление всего того, что способна дать неодушевленная природа, было деятельностью, принципиально отличной от занятий, к которым варвар приступал, взаимодействуя с «одушевляемыми» объектами и силами. Граница тут выглядит размытой и подвижной, но само разделение было достаточно ощутимым и веским для того, чтобы оказывать влияние на уклад жизни варваров. Той категории явлений, которые воспринимались как одушевленные, воображение варвара приписывало целенаправленную деятельность. Именно такая понимаемая телеологически деятельность превращала любой объект или явление в «одушевленное». Всякий раз, когда непросвещенный дикарь или варвар сталкивались с действиями, которые в чем-либо им препятствовали, они истолковывали эти действия в том смысле, какой единственно был ему доступен, то есть в смысле, который диктовался представлениями об их собственных поступках. Благодаря этому подобная деятельность как бы ассимилировалась в круг человеческих действий, а активные объекты по той же причине уподоблялись человеку как агенту действия. Явления такого типа, в особенности те, которые проявляли себя

угрожающе или внушали смятение, приходилось трактовать иначе, видеть в них нечто, отличное от привычных неодушевленных явлений. Успешное взаимодействие с «одушевляемыми» явлениями – это своего рода героическое деяние, а не рутинная работа. Тут важна доблесть, а не прилежание.

Вследствие такого наивного разграничения неодушевленное и одушевляемое действия первобытной социальной группы делились, как правило, на две категории, которые, пользуясь современным языком, можно назвать доблестным трудом и производством, или индустрией. Индустрия есть действия, призванные создавать новые вещи с новым назначением, придаваемым предмету творческим порывом изготовителя, который работает с пассивным («диким») материалом; а доблестный труд, если он приводит к результатам, полезным для агента, представляет собой употребление в собственных целях тех энергий, каковые ранее направлялись на какую-либо другую цель другим агентом. Мы все еще говорим о «грубом», или «диком», материале, отчасти вкладывая в эти слова то глубинное понимание, каким, несомненно, обладал когда-то варвар.

Различение подвига и повседневной работы совпадает с различием между полами. Два пола различаются не только телосложением и силой мышц, но и, быть может, даже более радикально – по темпераменту, и данное обстоятельство, полагаю, издавна воспринималось как повод для соответствующего разделения труда. В целом те действия, которые как бы

предусматривали подвиг, выпадали именно мужчинам, ведь они крепче, крупнее телосложением, способнее к внезапному и сильному порыву, более склонны к самоутверждению, активному соперничеству и агрессии. Различия в весе, физиологии и темпераменте среди членов первобытной группы могли быть незначительными, и наблюдения показывают, что дело обстоит ровно так у некоторых наиболее архаичных из известных нам сегодня примитивных сообществ – например, у племен Андаманских островов. Однако, если разделение функций происходит по направлениям, задаваемым различиями в телосложении и мировосприятии, исходное различие полов неизбежно должно усугубляться. Сам процесс приспособления группы к новому распределению занятий происходит быстрее в тех случаях, когда место обитания или фауна, с которыми группа находится в постоянном взаимодействии, требуют постоянного напряжения сил и физической нагрузки. Привычная погоня за крупной дичью вынуждает чаще проявлять мужские качества (нужны плотное телосложение, ловкость и жестокость), так что она, вполне естественно, углубляет разделение функций между полами. Едва группа людей вступает во враждебное взаимодействие с другими группами, распределение функций обретает зрелую форму различия между доблестным трудом и индустрией.

В такой хищнической группе охотников на долю телесно здоровых мужчин выпадает сражаться и охотиться. Всякая прочая работа достается женщинам, причем те члены сооб-

щества, которые непригодны для мужского труда, тоже причисляются к женщинам. Отметим, что охота и сражения, в которых участвуют мужчины, суть занятия одного свойства. По своей природе это хищнические занятия; воин и охотник, образно выражаясь, жнут там, где сами не сеяли. Утверждение своей силы и сообразительности явно отличается от женского усердного и бессобытийного труда по обработке материалов; перед нами не производительный труд, а скорее приобретение чего-либо путем захвата. Такова деятельность мужчины-варвара, которая в развитом виде принципиально расходится с женским трудом, и всякое усилие, не связанное с утверждением доблести, признается недостойным мужчины. По мере укрепления этой традиции здравый смысл сообщества возводит ее в канон поведения, поэтому для уважающего себя мужчины на этой стадии развития общества никакое занятие и никакое приобретение невозможны с точки зрения морали, если они не зиждутся на доблести, то есть на силе или на обмане. Когда в группе благодаря давней привычке устанавливается такой хищнический образ жизни, общепризнанной экономической функцией телесно здорового мужчины становится убийство, уничтожение соперников в борьбе за существование, истребление тех, кто пытается ему сопротивляться или норовит ускользнуть; он побеждает и подчиняет себе, приводит к покорности те чуждые силы, которые выказывают враждебные намерения во внешней среде. Это теоретическое представление о различии между

доблестным трудом и повседневной работой укореняется настолько и становится таким очевидным, что во многих охотничьих племенах мужчине запрещается приносить убитую им дичь: он должен послать за дичью свою женщину, которой подобает это более «низкопробное» занятие.

* * *

Как уже указывалось, различие доблестного труда и повседневной работы представляет собой несправедливое различие между видами занятий. Те виды занятий, которые считаются доблестными, суть достойные, почетные и благородные занятия, тогда как другие, лишенные элемента доблести, в особенности предполагающие услужение или подчинение, суть занятия недостойные, низкие и неблагородные. Понятие о достоинстве, достойности и чести в применении к человеку или к его поведению чрезвычайно важно для становления классовых различий, и потому необходимо остановиться кратко на его происхождении и значении. Психологическую основу этого понятия можно изложить в общих чертах следующим образом.

В силу неизбежного отбора человек является агентом деятельности. По собственному пониманию он сознает себя средоточием нарастающей под влиянием побуждений деятельности, которую можно определить как «телеологическую». Человек есть агент, стремящийся во всяком действии к до-

стижению какой-либо конкретной, объективной и безличной цели. Будучи таким агентом, он наделен склонностью к работе, приносящей результаты, и отвращением к напрасным усилиям. Он отдает себе отчет в достоинствах, которыми обладают такие качества, как полезность и результативность, и не видит достоинств в бесполезности, пустой трате сил или неспособности к труду. Эту склонность, или предрасположенность, можно назвать «инстинктом к работе». Если обстоятельства или традиции общественной жизни ведут к привычному сравнению одного человека с другим по полезности их действий, то инстинкт к работе преобразуется в сопоставление себя с соперником или в подражание другому. Степень, в которой осуществляется такое преобразование, в известной мере зависит от характера группы. В сообществах, где принято проводить подобные завистливые, несправедливые сравнения, зримый успех, как основа уважения, превращается в цель, которой добиваются ради нее самой. Проявляя свои способности в действии, человек обретает уважение и избегает хулы. То есть инстинкт к работе выливается в подражательное соперничество и в демонстрацию своей силы.

На той примитивной стадии социального развития, когда сообщество обыкновенно ведет мирный и, возможно, оседлый образ жизни, в отсутствие зрелой системы индивидуальной собственности, наиболее наглядно и полно полезные способности отдельного человека проявляются в за-

нятиях, направленных на поддержание и улучшение жизни группы. Каким бы ни было экономическое соперничество между членами такой группы, в первую очередь это соперничество в производственной деятельности. При этом побуждение к соперничеству является довольно слабым, а его масштабы невелики.

Когда сообщество переходит от стадии миролюбивого дикарства к хищнической фазе жизни, условия соперничества изменяются. Возможности и побудительные мотивы к соперничеству возрастают как в масштабах, так и в настоятельности. Действия людей все чаще приобретают характер доблестного труда, а вызывающие зависть сравнения одного охотника или воина с другим становятся все более распространенными и привычными. Трофеи, эти осязаемые доказательства доблести, постепенно занимают особое место в образе мыслей, признаются неотъемлемым признаком существования. Военная добыча, трофеи из набега или с охоты начинают цениться как свидетельства выдающейся силы. Агрессия становится общепринятой формой действий, добыча служит таким *prima facie*⁶ свидетельством успешности агрессии. Как принято на этой ступени общественного развития, общепризнанной, достойной формой самоутверждения считается поединок; полезные предметы или услуги, получаемые посредством захвата или грабежа, служат распространенным свидетельством успеха в поединке. То-

---

⁶ Очевидным, не требующим разъяснений (*лат.*).

гда как, что показательно, материальные ценности, добытые иным способом, без отъема и захвата, начинают признаваться недостойными настоящего мужчины. Выполнение производственной работы или занятость в личном услужении тем самым оказываются столь же одиозными. Из-за этого возникает провоцируемое завистью различие между доблестным трудом и приобретением чего-либо посредством захвата, с одной стороны, и производственной занятостью, с другой стороны. Работа попадает в разряд нудного занятия, поскольку ее считают недостойной.

Для первобытного варвара понятие «почетный», пока его исходный смысл не исказили всевозможные уточнения и обилие однородных вторичных понятий, означает, по-видимому, всего-навсего способность утверждать силой свое превосходство «Почетный» – это значит «грозный», а «достойный» значит «сильный». Почетное действие тем самым оказывается неотличимым от признанного соплеменниками успешным акта агрессии; в тех случаях, когда агрессия означает столкновение с людьми или животными, особенно и прежде всего почетными будут те действия, через которые достигается победа. Наивное архаичное стремление истолковывать все проявления силы с точки зрения отдельной личности или «силы воли» значительно укрепляет такое общепринятое возвеличивание победы. Выражения почтения, модные среди варварских племен и среди носителей более развитой культуры, обычно несут на себе отпечаток подоб-

ного безыскусного понимания чести. Эпитеты и титулы, которыми восхваляли вождей, а также обращались к царям и богам, очень часто наделяли тех, кого следовало умиловать, неодолимой жестокостью и несокрушимой тягой к разрушению. До некоторой степени это справедливо и в отношении более цивилизованных обществ настоящего времени. Да и свойственное геральдическим изображениям пристрастие к более кровавым животным и хищным птицам подкрепляет эту точку зрения.

Согласно таким представлениям варварского здравомыслия о достоинстве и почете, убивать – лишать жизни грозных соперников, будь то люди или неразумные твари, – почетно в наивысшей степени. Это высокое служение кровопролитию, будучи выражением силы победителя, придает блеск достоинства всякому акту кровопролития, всем его орудиям и приспособлениям. Оружие почетно, его применение для лишения жизни даже самых безобидных земных созданий становится почетным занятием. В то же время производственная деятельность превращается в откровенно одиозную, и варварское здравомыслие исключает обращение с орудиями и принадлежностями индустрии из круга занятий, достойных телесно здорового мужчины. Труд становится досадной помехой.

Здесь заявляется, что на протяжении общественной эволюции первобытные группы людей перешли от начальной миролюбивой стадии к последующей, на которой характерным и ценным занятием группы сделалась война. Но отсюда вовсе не следует, будто имел место внезапный переход от нерушимого мира и доброжелательности к более поздней, или высшей, стадии общественной жизни, когда впервые начались боевые действия. Точно так же не следует и то, что всякая мирная производственная деятельность исчезает при переходе к хищнической стадии развития. Можно смело допустить, что отдельные стычки происходили и на любой ранней стадии общественного развития. Достаточно часто такие стычки должны были обуславливаться сексуальным соперничеством. Доводами в пользу такого допущения являются известные обычаи первобытных групп и поведение человекообразных обезьян, да и свидетельства относительно хорошо изученных человеческих побуждений доказывают обоснованность данной точки зрения.

Следовательно, нам могут возразить, что, вопреки нашему утверждению, в обществе могло не быть той начальной стадии мирной жизни. В общественной эволюции нет такого момента, раньше которого стычек бы не случилось. Однако мы говорим отнюдь не о частоте стычек, не о том, бывали

они редкими и спонтанными или же происходили достаточно часто; нас интересует появление столь привычного ныне воинствующего расположения духа, преобладающего стремления судить о фактах и событиях с точки зрения противоборства. Хищническая стадия развития общества наступает лишь тогда, когда хищнический настрой становится привычным и общепринятым духовным настроем членов группы, когда схватка делается основой жизненного уклада, когда здравомыслие коллектива сводится к оценке людей и вещей применительно к противоборству.

Значит, существенное различие между миролюбивой и хищнической стадиями развития общества является не механистическим различием, а различием духовным. Изменение духовного настроения оказывается результатом перемен в материальной стороне жизни группы, оно осуществляется постепенно, по мере утверждения материальных обстоятельств, благоприятствующих хищническому отношению к миру. Нижним пределом хищнического сообщества будет предел производственный. Хищничество не способно стать источником средств к существованию какой-либо группы или какого-либо класса до тех пор, пока усложнившиеся способы производства не начнут приносить излишки, за которые стоит сражаться, сверх поддержания жизни тех, кто занят добыванием средств к существованию. Переход от мира к хищничеству зависит поэтому от развития технических знаний и навыков владения инструментами. Выходит, что

становление хищнической культуры попросту невозможно на ранних стадиях общества, что оно связано с совершенствованием орудий, превращающим человека в грозное животное. Совершенствование оружия и орудий труда – это, безусловно, один и тот же процесс, рассматриваемый с двух разных точек зрения.

Жизнь той или иной группы будет характеризоваться как миролюбивая до тех пор, пока обычай сражаться не выдвигает схватку вперед в повседневном сознании, пока схватка не становится главенствующим признаком человеческой жизни. Группа, очевидно, может усваивать такое хищническое поведение в большей или меньшей степени, поэтому образ жизни и каноны поведения в группе могут в большей или меньшей мере подчиняться хищническому настрою. Потому-то хищническая стадия общественного развития наступает именно постепенно, через совокупное развитие хищнических склонностей, привычек и традиций; подобное развитие обусловлено теми изменениями в условиях коллективной жизни, которые позволяют сохранять и развивать свойства человеческой природы, традиции и нормы поведения, приводящие к хищническому, а не к миролюбивому укладу.

Свидетельства в пользу гипотезы существования такой миролюбивой стадии первобытного общества в основном предлагает нам психология, а не этнология, и здесь мы не можем останавливаться на них подробно. Но мы отчасти вернемся к ним в одной из следующих глав, при рассмотрении

вопроса о сохранении архаичных черт человеческой природы в современном обществе.

Глава 2

Денежное соперничество

В ходе культурной эволюции возникновение праздного класса совпадает по времени с зарождением института собственности. Это должно было случиться, ведь обе указанные институции обусловлены одними и теми же экономическими причинами. На начальном этапе своего развития они суть всего-навсего разные проявления одних и тех же общих фактов общественного устройства.

Будучи элементами социальной структуры, то есть общепринятыми явлениями, праздность и собственность в равной степени представляют интерес для целей настоящего исследования. Привычное пренебрежение работой само по себе не порождает праздный класс, а механистическое потребление и пользование отнюдь не ведут напрямую к появлению институции собственности. В настоящем исследовании поэтому не рассматриваются ни зарождение праздности, ни истоки присвоения полезных предметов для индивидуального потребления. Нас занимают исключительно происхождение и природа праздного (в широком понимании слова) класса, с одной стороны, и начала индивидуальной собственности как разделяемого обществом права или справедливого притязания, с другой стороны.

Ранняя дифференциация, из которой проистекает разделение общества на праздный и работающий классы, проявлялась в различии между мужским и женским трудом на заре варварства. А наиболее ранней формой собственности было присвоение женщин телесно здоровыми мужчинами в том или ином сообществе. Этот факт можно выразить иначе, обобщенно и ближе к самому варварскому пониманию жизни: перед нами собственность на женщину со стороны мужчины.

До владения женщинами существовала, безусловно, практика присвоения каких-то полезных предметов. Это утверждение подкрепляется обычаями известных сегодня архаических сообществ, которым неведома собственность на женщин. Во всех сообществах мужчины и женщины привычным образом забирают в личное пользование разнообразные полезные предметы, однако не считается, будто эти предметы принадлежат тому человеку, который их присваивает и потребляет. Привычное присвоение и потребление мелкого имущества происходит как бы само по себе, никто не задается вопросом о собственности, то есть справедливость притязания на посторонние для того или иного индивидуума вещи не оспаривается.

Собственность на женщин зарождается на заре варварской эпохи, по всей видимости, вследствие захвата пленниц. Первоначальной причиной захвата и присвоения женщин была, как кажется, их полезность в качестве трофеев.

Такое изымание у врага женщин как добычи привело к появлению собственности в форме брака, и в результате сложилась семья-домохозяйство с мужчиной во главе. Вслед за этим рабство распространилось на прочих пленников и людей низкого положения, помимо женщин, а собственность в форме брака охватила также женщин, которые не принадлежали к захваченным у врага трофеям. Тем самым плодами соперничества в условиях хищнического образа жизни явились, с одной стороны, возникновение брака по принуждению и, с другой стороны, обычай владения собственностью. Эти две институции неразличимы, по сути, в начальной стадии своего развития; обе возникают из стремления преуспевающих мужчин доказать свою доблесть какими-либо долговременными свидетельствами. Кроме того, обе институции отражают стремление к господству, свойственное всем хищническим сообществам. От владения женщинами понятие о собственности постепенно расширяется, охватывая и результаты женского труда, из чего вырастает владение вещами наряду с владением людьми.

Так утверждается признаваемая обществом система личной принадлежности имущества. Пускай на поздних стадиях общественного развития полезность предметов для потребления сделалась наименее явным признаком их ценности, богатство ни в коей мере не утратило своего значения в качестве почетного свидетельства господства его владельца над остальными.

Везде, где обнаруживается институция частной собственности, пусть даже в примитивнейшей своей форме, экономический процесс отражает противостояние членов коллектива из-за притязаний на имущество. Экономическая теория утверждает (в особенности грешат этим те, кто строго привержен современным истолкованиям классических доктрин), что данное противостояние из-за богатства нужно трактовать как борьбу за средства к существованию. Конечно, во многом именно так все обстояло на ранних, менее производительных этапах трудовой деятельности. Вдобавок это верно и для обстоятельств, в которых «нищета природы»⁷ столь велика, что сообщество вынуждено влачить жалкое существование вопреки всем непрерывным и целенаправленным своим усилиям. Но все развивающиеся сообщества сегодня уже сделали шаг вперед от той ранней стадии технологического развития. Эффективность производства доведена ныне до такого уровня, когда возможно производить значительно больше, нежели просто добывать скудные средства к существованию. В экономической теории все

---

⁷ Отсылка к высказыванию американского философа и писателя Г.Д. Торо, который рассуждал об «убожестве» искусства в сравнении с природой и о том, что даже в своей «скудости» последняя являет образцы несказанной щедрости (см. эссе «Неделя на реках Конкорд и Мёрримак»).

чаще обсуждается схватка за благосостояние на этой новой производственной основе; такая схватка понимается как приращение жизненных благ, прежде всего как приращение материальных условий, проистекающих из потребления вещей.

Целью приобретения и накопления принято считать потребление накопленных материальных благ, будь то потребление непосредственно владельцем или его домохозяйством-семьей, которое, по теории, неразрывно с ним связано. Считается, по крайней мере, что это экономически обоснованная цель приобретения, чего оказывается вполне достаточно для теоретиков. Разумеется, такое потребление может мыслиться как удовлетворяющее материальные нужды потребителя (его жажду материальных благ или же так называемые высшие запросы – духовные, эстетические, интеллектуальные и прочие, причем последние обслуживаются материальным потреблением косвенно, по принципу, знакомому всем, кто интересуется экономикой).

Но лишь только в том случае, когда мы избавляемся от наивной трактовки материального потребления, можно говорить, что такое потребление стимулирует неизбежное накопление. Мотивом, лежащим в основании собственности, выступает подражательное соперничество, и тот же мотив соперничества непосредственно сказывается на дальнейшем развитии этой институции, которую он порождает, и на развитии всех тех черт социального устройства, каковые затра-

гивает владение собственностью. Обладание богатством наделяет человека почетом и служит поводом для зависти. Ничего столь же весомого нельзя утверждать ни о потреблении материальных благ, ни о каком-либо другом стимуле к приобретению, уж тем более ни о каком стимуле к накоплению богатства.

Конечно, не следует упускать из виду тот факт, что в сообществе, где почти все материальные блага находятся в личном владении, необходимость добывать средства к жизни является мощным и вездесущим стимулом для более бедных членов сообщества. Потребность в выживании и в приращении материальных благ может на протяжении какого-то времени преобладать среди мотивов приобретения для тех классов, которые обыкновенно заняты ручным трудом, чье положение остается крайне шатким, которые владеют малым и потому мало накаплиют; но в ходе нашего рассмотрения будет установлено, что даже у этих нуждающихся классов преобладание мотива потребления материальных благ не столь уж неоспоримо, как порой предполагается. С другой стороны, для тех членов и слоев общества, которые главным образом заняты накоплением богатства, стимул выживания и потребления материальных благ не играет существенной роли. Зарождение и становление института собственности происходит по причинам, которые не связаны с минимальными средствами для поддержания жизни. Главным стимулом служили первоначально зависть и различия, связанные с благо-

состоянием; никакой другой стимул, кроме как временно и в силу исключения, на более поздней стадии развития не занимал главенствующего положения.

Собственность начиналась с добычи, захваченной у противника в успешных набегах. До той поры, пока группа не отходила далеко от первобытной общественной организации, до той поры, пока она находилась в тесном соприкосновении с другими, враждебными группами, полезность людей и вещей, попадавших в личное владение, определялась главным образом завистью – завистническим сопоставлением между владельцем собственности и врагом, у которого он отобрал эту собственность. Обычай различать интересы отдельного человека и интересы группы, к которой этот человек принадлежал, возник, по всей видимости, позже. Завистническое сопоставление обладателя почетной добычи с его менее удачливыми товарищами по группе издавна, несомненно, сказывалось на полезности, приписываемой личному имуществу, хотя вначале оно, безусловно, не выступало важнейшей составляющей ценности предметов собственности. Личная доблесть во многом являлась общегрупповой доблестью, и обладатель добычи еще воспринимал себя в первую очередь как хранителя чести своей группы. С таким взглядом на доблестные свершения с общинной точки зрения мы встречаемся и на более поздних стадиях общественного развития, особенно в военных почестях.

Но стоило обычаю индивидуальной собственности обре-

сти устойчивость, точка зрения в завистническом сопоставлении, на котором покоится частная собственность, начинает меняться. По сути, одно изменение повлекло за собой другое. Начальная стадия собственности, то есть стадия приобретения путем откровенного захвата и обращения в свою пользу, сменяется следующей; новую стадию можно обозначить как период зарождения организованного производства на основании частной собственности (на рабов); примитивная группа развивается в производящее сообщество, более или менее способное себя обеспечивать; приобретения начинают цениться не столько как свидетельства успешного грабежа, сколько как доказательства превосходства обладателя этих материальных ценностей над другими членами сообщества. Завистническое сопоставление теперь проводится в сравнении владельца собственности с другими членами группы. Собственность пока сохраняет природу трофея, но с развитием общества она все больше превращается в трофеи успешных свершений в погоне за владением, а эта погоня ведется между членами группы по условно-миролюбивым правилам кочевой жизни.

По мере вытеснения хищничества производственной деятельностью в повседневной общественной жизни и в образе мышления людей накапливаемая собственность постепенно и все увереннее заменяет собой трофеи хищнических набегов в качестве общепринятого показателя успеха и превосходства. Потому с ростом налаженного производства обла-

дание богатством становится все более значимым и признается обществом как привычная основа уважения и почета. Конечно, иные, более непосредственные свидетельства доблести продолжают цениться, успешные хищнические набеги или военные подвиги по-прежнему вызывают одобрение и восхищение толпы, а менее удачливые соперники вынуждены завидовать, но возможностей выделиться посредством такой прямой демонстрации превосходящей силы становится все меньше, как по масштабам, так и по частоте появления. При этом возможностей для производственной агрессии и для накопления собственности условно-мирными способами в кочевом скотоводстве обнаруживается больше и они появляются чаще. Еще уместнее отметить, что собственность превращается в нагляднейшее доказательство успеха, достойного почитания, отличное от героического или выдающегося достижения. То есть она делается общепринятой основой уважения. Владение имуществом оказывается до некоторой степени непременным условием для обретения сколько-нибудь заметного положения в обществе. Чтобы сохранить свое доброе имя, обязательно накапливать и приобретать собственность. Когда накопленные материальные ценности тем самым преобразуются в общепринятый «ярлык» преуспевания, обладание имуществом приобретает характер независимой и определенной основы распределения уважения. Обладание материальными ценностями, добыты они лично, агрессивными усилиями, или получены пассив-

но, за счет наследования от других, становится общепринятой основой почета. Обладание богатством, ранее ценившееся просто как свидетельство личных навыков, теперь само делается в представлении общества достойным делом. Богатство как таковое почетно, и оно наделяет почетом своего владельца. В дальнейшем богатство, приобретаемое пассивно, через унаследование от предков или других предшественников, становится даже более почетным, чем благосостояние, полученное за счет собственных усилий; впрочем, это различие характерно для более поздних стадий развития денежных отношений, и о нем будет идти речь в соответствующем месте изложения.

Подвиги и доблесть могут оставаться основанием для снискания самого высокого общественного уважения, пусть обладание богатством постепенно становится основой общего почтения и признаваемого безупречным положения в обществе. Хищнический инстинкт наряду с последующим одобрением хищнических навыков глубоко укореняются в образе мышления тех людей, которые подверглись длительному влиянию хищнического образа жизни. Высочайшими почестями, которые только можно заслужить, пока остаются те, каковые обретаются посредством проявления предельно развитых хищнических навыков на войне или условно-хищнических навыков в управлении; но для достойного положения в сообществе в целом эти способы достижения славы стали менее важными, чем приобретение и накопление ма-

териальных ценностей. Чтобы достойно выглядеть в глазах сообщества, необходимо соответствовать некоему не совсем четко установленному стандарту благосостояния, тогда как на ранней, хищнической стадии развития варвару требовалось соответствовать принятым у племени нормам физической выносливости, ловкости и владения оружием. Некий стандарт благосостояния, или норма доблести, в этих случаях выступает необходимым условием обретения почета, а всякое превышение этого стандарта, или нормы, признается похвальным.

Те члены сообщества, которые не в состоянии достичь такой довольно расплывчатой, по определению, степени доблести или собственности, теряют уважение собратьев и вследствие того лишаются уважения к себе, поскольку обычной основой самоуважения служит уважение, которое тебе выказывают соседи. Только индивидуумы, чей темперамент отклоняется от нормы, способны в длительной перспективе сохранять уважение к себе, несмотря на неуважение сотоварищей. Встречаются и видимые исключения из общего правила, особенно среди людей с сильными религиозными убеждениями. Однако эти случаи вряд ли могут считаться подлинными исключениями, ведь подобные люди обыкновенно жаждут мнимого одобрения со стороны некоего сверхъестественного свидетеля их деяний.

Едва владение собственностью становится основой для уважения со стороны окружающих, оно превращается в на-

сущный повод для той удовлетворенности собой, которую принято именовать самоуважением. Во всяком обществе, где материальные ценности обособляются, индивидуум ради собственного душевного покоя вынужден стремиться к обладанию долей материальных ценностей, не уступающей размерами долям тех, кого он привык считать членами своего сословия; чрезвычайно приятно владеть долей, которая несколько больше, чем доли других. Но совершая новые приобретения и привыкая к новому уровню благосостояния, человек вскоре понимает, что этот новый уровень перестает доставлять больше удовлетворения, нежели доставлял прежний. По крайней мере, налицо общее стремление к превращению текущего денежного уровня в отправную точку для нового увеличения богатства, что, в свою очередь, вводит в практику новый стандарт благосостояния и обуславливает новое распределение влияния при сравнении личного достатка с благосостоянием соседей. Применительно к данной картине цель накопления заключается в том, чтобы возвыситься над другими членами сообщества и достичь большей денежной силы. Пока результат подобного сопоставления будет явно неблагоприятным для нормального среднего индивидуума, такой человек будет жить в постоянной неудовлетворенности своим положением; когда же он достигнет уровня, который можно посчитать почетным денежным стандартом данного сообщества или какого-то класса, постоянная неудовлетворенность сменяется

беспокойным желанием нарастить как можно шире разрыв между своим денежным достатком и почетным общественным стандартом. Завистническое сопоставление никогда не принесет индивидууму столь полного удовлетворения, чтобы в состязании за денежный почет он добровольно отказался от стремления поставить себя еще выше своих соперников.

Жажду богатства, в силу ее природы, почти невозможно утолить в каждом отдельном случае, и, по всей видимости, нельзя рассуждать об удовлетворении общего стремления большинства к богатству. Сколь бы широко, равноправно или «справедливо» ни распределялся общий прирост общественного благосостояния, он несколько не приближает утоление той потребности, основой для которой служит желание превзойти всех вокруг в накоплении материальных ценностей. Если бы, как иногда утверждают, стимулом к накоплению являлась нужда в средствах к существованию или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности сообщества, не исключено, могли бы удовлетворяться при определенном уровне развития производственной деятельности; но поскольку перед нами, в общем-то, погоня за почетом на основании завистнического сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления попросту невозможно.

Сказанное выше не следует понимать так, будто нет никаких других стимулов к приобретению и накоплению, кро-

ме этого желания превзойти других в денежном положении и тем самым добиться уважения и зависти сотоварищей. Жажда дополнительных благ и обеспеченности выглядит как повод к накоплению на каждой стадии развития современного индустриального общества, хотя на стандарте достатка в этом отношении сильно сказывается, в свою очередь, привычка к денежному соперничеству. Это соперничество в значительной мере обуславливает способы потребления и выбор предметов потребления для личных благ и достойного существования.

Помимо того, мотивом к накоплению выступает и власть, даруемая богатством. Склонность к целенаправленной деятельности и отвращение к бесплодности усилий, присущие человеку в силу способности быть агентом действия, сохраняются и тогда, когда он поднимается над наивной общественной жизнью, где доминирует не подвергаемое анализу и безраздельное единение индивидуума с группой, воплощающей для него все на свете. Когда человек встает на хищнический путь, где уже господствует своекорыстие в узком смысле слова, эта склонность остается при нем и делается основополагающей чертой, которая формирует жизненный уклад. Склонность к достижению успеха и отрицание тщетности усилий остаются базовыми экономическими мотивами деятельности. Изменяются лишь форма выражения этой склонности и непосредственные объекты, на которые она направляет деятельность человека. При индивиду-

альной собственности наиболее доступными для достижения цели средствами становятся те, которые предполагают приобретение и накопление материальных ценностей; когда антитезис самоуважения между мною и прочими осознается более полно, склонность к достижениям (инстинкт к работе) упорно заставляет прикладывать все больше усилий к тому, чтобы превзойти других в денежном успехе. Относительный успех, поверяемый завистническим денежным сопоставлением себя с другими людьми, превращается в общепринятую цель всякого действия. Текущий и признаваемый в обществе легитимным результат деятельности преобразуется в достижение денежного успеха в сопоставлении себя с другими людьми, а потому отвращение к тщетным действиям в значительной степени отождествляется со стимулами к соперничеству. Всячески поощряется нарастание борьбы за денежный почет посредством резкого неодобрения неудач на этом пути и любых свидетельств провала в стремлении к денежному преуспеянию. В итоге целенаправленными начинают считаться прежде всего усилия, направленные на более наглядное проявление накопленного богатства и ведущие к такому исходу. Среди мотивов, побуждающих людей накапливать богатство, первенство по размаху и по силе удерживает именно мотив денежного соперничества.

Быть может, излишне пояснять, что за определением «завистническое» не скрывается никакого намерения как-либо оценить те явления, которые характеризуются этим сло-

вом, – за ним не таится желание унижить или осудить или, наоборот, превознести и дать понять, что какое-то явление достойно похвалы. Это определение употребляется сугубо в техническом значении, для описания сопоставления людей друг с другом с целью расположения по достоинству и значимости (в некотором эстетическом или моральном смысле), благодаря чему становится возможным закрепить за индивидуумами соответствующие степени довольства, которых допустимо ожидать или на которые они вправе рассчитывать сами. Завистническое соперничество есть процедура распределения людей по их достоинствам.

Глава 3

Нарочитая праздность

Если бы в происходящее не вмешивались прочие экономические силы или прочие факторы соперничества, непосредственным результатом той денежной схватки, о которой мы рассуждали выше в общих чертах, было бы следующее – все люди сделались бы трудолюбивыми и бережливыми. Подобный результат наблюдается в действительности – применительно к низшим слоям общества, для которых естественным способом добывания материальных ценностей является производительный труд. В особенности сказанное справедливо в отношении трудового слоя в оседлом сообществе на аграрной ступени общественного производства: там присутствует значительное дробление собственности, а законы и обычаи обеспечивают этому слою более или менее определенную долю плодов общественного производства. Такие низшие слои в любом случае не в состоянии избегать труда, а потому трудовая повинность не воспринимается ими как нечто, унижающее их достоинство (по крайней мере, внутри своего слоя). Скорее, поскольку труд является для них признаваемым и принимаемым образом жизни, они испытывают некую состязательную гордость оттого, что занимаются производством, ведь зачастую это единственная доступная

им область соперничества. Среди тех, для кого приобретение и соперничество возможны лишь в производительности и бережливости, борьба за денежный почет в известной мере выливается в повышенное усердие и умеренность в расходах. Но в ходе соперничества проявляются и некоторые вторичные его признаки, о которых еще будет идти речь; они существенно видоизменяют и преобразуют соперничество, как среди слоев, малообеспеченных в денежном выражении, так и среди главенствующего класса.

Совсем иначе обстоит дело с господствующим в денежном отношении классом, который нас, собственно, и интересует. Этому классу тоже присуще стремление к усердию и бережливости, но на его действиях столь сильно сказываются вторичные признаки денежного соперничества, что всякое желание чего-то добиваться в этой области практически подавляется, а стимул к усердию не находит ни малейшего отклика. Наиболее важным среди вторичных признаков соперничества, а также самым широким по охвату выступает условие строгого воздержания от производительного труда. Нагляднее всего это проявляется на варварской стадии развития общества. В эпоху хищничества труд в мышлении людей стал ассоциироваться со слабостью и подчинением господину. Следовательно, трудятся те, кто занимает низкое положение в обществе, а потому работать недостойно для настоящего мужчины. Эта традиция отнюдь не умерла: труд стал восприниматься как нечто постыдное. С углублением соци-

альной дифференциации данная традиция закрепилась как своего рода аксиома, освященная древними неписаными (и никем не оспариваемыми) законами.

Для того чтобы заслужить и сохранить уважение людей, недостаточно просто обладать богатством и властью. Богатство или власть нужно предъявлять, ведь уважение оказывается только по представлении доказательств. Свидетельства богатства не только подчеркивают значимость человека в глазах других, не только поддерживают, ежедневно и непрерывно, его важность, но и едва ли не в той же степени, необходимы для сохранения самоуважения. На всех стадиях развития общества, кроме низших, обыкновенный человек утешается и воодушевляется в самоуважении за счет «достойного окружения» и пренебрежения «повседневными обязанностями». Вынужденный отказ от такого привычного для него стандарта достоинства, будь то в личном имуществе или в размахе бытовой деятельности, становится ущемлением его человеческого достоинства, даже если не принимать во внимание осознание одобрения или неодобрения со стороны сотоварищей.

Архаическое теоретическое различие низкого и почетного в образе жизни мужчины по сей день сохраняет ощутимое влияние. Это влияние ощущается настолько, что лишь немногие представители «сливок общества» не питают инстинктивного отвращения к вульгарному труду. Нам свойственно воображать эту ритуальную грязь, которая буд-

то бы сопутствует тем занятиям, что в нашем мышлении связываются с черновой работой. Всем личностям с утонченным вкусом присуще мнение, будто некоторые обязанности, по обыкновению возлагаемые на прислугу, таят в себе осквернение души. Плебейское окружение, захудалое (дешевое) жилище и вульгарное производственное занятие – все это безоговорочно осуждается и с презрением отвергается. Все перечисленное несовместимо с жизнью на удовлетворительном духовном уровне, то есть с «высокими мыслями». Со времен древнегреческих философов и по настоящее время толика праздности и желание отстраниться от участия в тех производственных процессах, которые служат непосредственно повседневным целям человеческой жизни, неизменно воспринимаются мыслителями как предпосылки достойной, красивой и даже безупречной жизни. Сама по себе и в своих последствиях праздная жизнь прекрасна и благородна в глазах всех цивилизованных людей.

Такая личная, субъективная оценка праздности и других доказательств богатства во многом, несомненно, вторична и может считаться по большей части производной. Отчасти мы наблюдаем признание полезности праздности как средства заслужить у других почет, а отчасти это следствие мысленной подмены одного понятия другим. Выполнение работы превратилось в признак низкого общественного положения, поэтому сам труд путем мысленного опущения промежуточных понятий стал рассматриваться как низкий по самой су-

ти.

На протяжении хищнической стадии развития, и особенно в ходе ранних стадий условно-миролюбивого развития производства, которые наступили следом, праздная жизнь была нагляднейшим и убедительнейшим доказательством денежной силы, тем самым подтверждая превосходство вообще, всегда при условии что праздный господин способен предъявить другим жизнь в покое и блаженстве. На этой стадии богатство состояло главным образом из рабов, а выгоды из обладания таким богатством и властью в основном выражались в личном услужении и непосредственных результатах подобного услужения. Нарочитое воздержание от труда становится, таким образом, расхожим признаком превосходства в денежных делах и общепризнанным показателем уважения; при этом, наоборот, поскольку усердный производительный труд считается презренным уделом бедноты, работа признается несовместимой с почетным положением в обществе. Потому-то привычка к прилежанию и бережливости не получала единодушной поддержки со стороны господствующего денежного соперничества. Напротив, данное соперничество исподволь ослабляло стремление к участию в производительном труде. Труд неизбежно становился постыдным, свидетельствуя о бедности труженика, пусть бы он и не считался недостойным занятием согласно древней традиции, унаследованной от более ранних стадий развития общества. Обычай хищнической стадии утверждали, что про-

изводительных усилий мужчинам, здоровым телесно, следует избегать, и эти обычаи укрепились, а вовсе не были отринуты при переходе от хищнического к условно-миролюбивому образу жизни.

Даже не появившись институция праздного класса сразу с робкими ростками частной собственности, в силу пренебрежения занятостью в производительном труде она, вне сомнения, стала бы одним из первых последствий обладания собственностью. Здесь нужно заметить, что, пускай теоретически праздный класс существовал со времен зарождения хищнического общества, институция приобрела новый, более полный смысл с переходом от хищнической к следующей за ней денежной стадии развития. Именно тогда и впредь «праздный класс» стал таковым на деле, так и в теории. К этой дате восходит институция праздного класса в своей полноценной форме.

На протяжении хищнической стадии развития общества различие между праздным и трудящимся классами было до некоторой степени лишь ритуальным. Здоровые телом мужчины решительно избегали всего, что, по их мнению, являлось повседневной черновой работой, однако их деятельность ощутимым образом способствовала выживанию и поддержанию жизни группы. Последующая стадия условно-мирного производства обычно характеризуется утверждением принципа рабского труда, стадами скота, появлением подневольного слоя табунщиков и пастухов; индустрия

продолжала развиваться, и выживание общества перестало зависеть от средств к существованию, добываемых охотой или каким-либо другим занятием из числа безусловно героических. С этого времени отличительной особенностью жизни праздного класса становится нарочитое пренебрежение любыми полезными занятиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.